

ЯА

ГЬЯСИ

НОВЫЙ РОМАН ЛАУРЕАТА **NATIONAL BOOK
CRITICS CIRCLE AWARD** И ПРЕМИИ **GRANTA**

ПЕРЕВОД
ЕЛЕНА МУЗЫКАНТОВА

МИР НЕЗЕМНОЙ

роман

МИО

Глава 1

Стоит подумать о матери, как перед глазами неизменно встает одна и та же картина: женщина, лежащая на двухспальной кровати, в коконе из тщательно выстроенной тишины. Мама не покидала комнату по несколько месяцев, засев среди простыней, точно вирус; первый раз это случилось еще в моем детстве, второй — когда я пошла в аспирантуру. На время первого кризиса меня отправили к родне в Гану, переждать. Помню, мы с тетей шли по рынку Кеджетия, как она вдруг схватила меня за руку и стала куда-то указывать.

— Гляди, — сказала тетя на родном наречии чви. — Видишь? Сумасшедший.

Мне стало ужасно стыдно. Тетя так громко говорила, а высокий человек с грязными дредами стоял совсем неподалеку.

— Да вижу, вижу, — зашипела я в ответ.

Мужчина прошел мимо, бормоча себе под нос и размахивая руками. Только он сам и понимал, что же это значит. Тетя удовлетворенно кивнула, и мы стали протискиваться дальше сквозь толпы людей на этом кошмарно тесном рынке к прилавку, где проводили остаток утра в попытках сбыть поддельные дизайнерские сумки. За те три месяца, что я там прожила, удалось продать лишь четыре штуки.

Даже теперь, спустя годы, я не до конца понимаю, зачем тетя специально обратила мое внимание на того человека. Может, думала, в Америке сумасшедших нет и я их никогда не видела. А может, вспомнила мою маму и настоящую причину, почему тем летом я торчала в Гане, обливаясь потом за прилавком, пока мать лечилась дома в Алабаме. Мне было одиннадцать, и я видела, что мама не больна — по крайней мере, не так, как, по мнению ребенка, болеют люди. Я не понимала, от чего ей нужно лечиться. Не понимала, но что-то подспудно чувствовала. Это ощущение наложилось на стыд от бестактного поведения тети по отношению к тому мужчине. Она говорила: вот, смотри, как выглядят сумасшедшие. А я взамен слышала мамино имя. Видела мамино лицо, недвижимое, точно водная гладь. Вспоминала, как пастор мягко касался ее лба, а тихая молитва наполняла комнату монотонным гулом. Не уверена, знаю ли, как выглядят люди с ментальными расстройствами, но по сей день, слыша «сумасшедший», представляю разделенный надвое экран, где по одну сторону тот мужчина с дредами из Кеджети, а по другую — мама на своей кровати. И ведь никто, ни единая душа на всем том рынке не обращала внимания на беднягу, не боялась его, не презирала. Лишь моя тетя решила мне его показать. Создавалось впечатление, будто он совершенно умиротворен, вопреки бурной жестикуляции и несвязному бормотанию.

Зато мама, при всей своей внешней неподвижности, переживала внутреннюю бурю.

Глава 2

Когда случился второй кризис, я узнала об этом по телефону в нашей лаборатории при Стэнфорде. Мне как раз пришлось рассадить двух мышей по разным коробкам, а то они начали друг друга драть. Я нашла кусочек плоти в уголке их прежнего домика, но не смогла определить, кто же так пострадал. Обе мыши были в крови и, убегая от меня, метались по коробке, хотя, по сути, бежать им было некуда.

— Послушай, Гифти, она почти месяц не появляется в церкви. Я звонил ей домой, но никто не отвечал. Я иногда заглядываю, проверяю, есть ли у нее еда, но боюсь... боюсь, это снова случилось.

Я ничего не ответила. Мыши практически успокоились, но меня до сих пор трясло от их вида. Я переживала за свой эксперимент. Переживала за все.

— Гифти? — позвал пастор Джон.

— Ей лучше пожить со мной.

Уж не знаю, как пастор посадил маму на самолет. Когда я встретила ее в аэропорту Сан-Франциско, она выглядела совершенно обмякшей и безучастной. Невольно представилось, как пастор Джон уложил ее наподобие того, как сворачивают свитер: скрестил руки на груди, подтянул ноги к животу, аккуратно упаковал в чемодан, наклеил сверху ярлык «Осторожно, хрупкое» и передал стюардессе.

Я крепко обняла маму, но она вся сжалась. Я глубоко вздохнула и спросила:

— Багаж забрала?

— *Daabi*, — ответила она.

— Ясно, багажа нет. Отлично, тогда идем напрямиком к машине. — Меня саму так затошнило от собственного приторно-сладкого голоса, что я прикусила язык и сглотнула выступившую на нем кровь.

Мама пошла за мной к моей «Тойоте-Приусу». В иных обстоятельствах мать посмеялась бы над машинкой, ведь сама в Алабаме привыкла ездить на пикапах и внедорожниках. «Гифти, мое кровоточащее сердце», — иногда называла она меня. Не знаю, где мама подцепила эту фразу, полагаю, у пастора Джона или какого-нибудь из телепроповедников, которых она любила смотреть, пока готовила. Возможно, так уничижительно называли людей, которые, как и я, бежали из Алабамы и поселились среди грешников, ведь чрезмерно кровоточащие сердца ослабили нас и не позволили остаться среди стойких избранных Христа в Библейском поясе. Мама также являлась поклонницей Билли Грэма, который любил выдавать сентенции вроде: «Настоящий христианин — это тот, кто может отдать своего домашнего попугая главному сплетнику в городе».

Помню, в детстве я еще думала: как жестоко отдавать кому-то своего попугая, он же к тебе привык!

Забавно, что все такие подцепленные фразочки мама вечно произносила немного неправильно. Я была не просто кровоточащим сердцем, а *ее* кровоточащим сердцем. Не вопиющий поступок, а вопящий. Мама говорила с легким южным акцентом, который оттенял ее родной ганский. Прямо как волосы моей подруги Энн, которые вообще были каштановыми, но на солнце отливали рыжинкой.

Мама села в машину и уставилась в пассажирское окно, тихая, как церковная мышка. Я попыталась посмотреть на все вокруг ее глазами. Когда я впервые приехала в Калифорнию, все казалось таким красивым. Даже трава, пожелтевшая, пожухшая от бесконечной засухи, смотрелась будто не из нашего мира. Наверное, я угодила на Марс, ведь не может же и это быть Америкой? Я вспомнила однообразные зеленые пастбища из своего детства, небольшие холмы, которые мы звали горами. Меня поразили масштабы западного пейзажа. Я приехала в Калифорнию, потому что хотела потеряться и найти себя. В колледже я прочла «Уолден, или Жизнь в лесу», потому что та книга нравилась мальчику, который нравился мне. Помню, ничего в ней не поняла, но повидала кучу цитат, в том числе эту: «Пока мы не потеряемся — иными словами, пока мы не потеряем мир, — мы не находим себя и не понимаем, где мы и сколь безграничны наши связи с ним».

Если маму и впечатлил пейзаж, я этого не заметила. Мы ехали в общем потоке, и рядом с нашей машиной пристроилась другая. Ее владелец быстро отвернулся, потом оглянулся на меня и снова отвернулся прочь. Мне почему-то захотелось подействовать ему на нервы или, может, передать часть своей неловкости, поэтому я продолжила пялиться. Мужчина стиснул руль, стараясь больше не оборачиваться. Его побелевшие костяшки перевивали красные жилки. Наконец он сдался, бросил на меня сердитый взгляд и одними губами спросил: «Что?» Я всегда замечала, что движение по мосту подталкивает каждого к его личной грани. Словно водители внутри машин смотрят на воду и задаются вопросом: «А что, если?.. Существует ли другой выход?» Мы снова двинулись вперед. В плотном потоке мужчина был так

близко, буквально руку протяни. Что бы он сделал, если бы мог прикоснуться ко мне? Куда бы выплеснул свою ярость, если бы не приходилось сдерживать ее, сидя в своей «Хонде-Аккорд»?

— Есть хочешь? — спросила я маму, наконец поворачиваясь к ней.

Она пожала плечами, все так же глядя в окно. Во время прошлого кризиса мама потеряла тридцать килограммов за два месяца. Когда я вернулась из Ганы, то с трудом узнала ее, ту самую женщину, что всегда считала худых людей оскорблением природе, как будто какая-то лень или недостаток характера мешали им ценить чистую радость от хорошей пищи. В итоге она сама пополнила их ряды. Щеки ее впали, живот сдулся. Она опустела, исчезла.

Я твердо решила более такого не допускать и купила в сети поваренную книгу по ганской кухне, дабы наверстать те годы, что уваливала от обязанностей по готовке. Еще до приезда мамы я опробовала несколько блюд в надежде набить руку. Купила фритюрницу, хотя студенческий бюджет не предполагал приобретения таких экзотических ингредиентов, как бофрот (ганский пончик) или плантан (разновидность банана). Мама обожала жареную пищу. Ее мать продавала такую с тележки у обочины дороги в Кумаси. Бабушка была из народности фанти¹, родом из рыбацкого городка Абандзе, и славилась своим презрительным отношением к другой народности, ашанти². Ее упрямство доходило до того, что старушка наотрез отказывалась говорить на чви даже после два-

¹ Фанти (самоназвание — мфантсе, фанте) — народ, по большей части живущий в Гане между г. Секонди и р. Денсу (ок. 1,8 млн человек), также небольшая часть живет в Либерии. *Здесь и далее прим. пер.*

² Ашанти (ашантийцы; самоназвание — асантефо, асанте — означает «объединяющиеся для войны») — народ группы акан. Живут в центральных районах Ганы (области Ашанти и Бронг-Ахафо).

дцати лет жизни в столице. Покупаешь еду у нее — обязан слушать ее язык.

— Приехали, — сообщила я и поспешила помочь маме выбраться.

Она пошла чуть впереди, хотя никогда прежде не бывала в этой квартире. Мама всего пару раз навещала меня в Калифорнии.

— Прости за бардак, — извинилась я, хотя никакого бардака не было. С моей точки зрения, но ведь я — не она. Каждый раз, стоило маме приехать ко мне домой, она проводила пальцем по вещам, которые мне и в голову не приходило вытирать, — по ламелям жалюзи, по дверным петлям — и подчеркнуто демонстрировала скопившуюся там черную пыль. Мне оставалось лишь пожимать плечами в ответ на обвинения.

— Чистота дома — это благочестие, — любила повторять мама.

«Чистота дома — это почти как благочестие», — хотелось поправить мне, но она бы лишь нахмурилась, мол, какая разница?

Я показала спальню маме, она молча забралась на кровать и погрузилась в сон.

Глава 3

Едва услышав тихое похрапывание, я на цыпочках выбралась из квартиры и пошла проверить своих мышей. И пусть я их рассадил, наиболее пострадавшая корчилась от боли в углу коробки. Судя по всему, долго бедняга не протянет. Мне почему-то стало ужасно грустно, но, когда двадцать минут спустя мой напарник Хан застал меня рыдающей в углу комнаты, стыд не позволил признаться, что причиной слез стала вероятная смерть мыши.

— Паршивое свидание выдалось, — соврала я.

Лицо Хана искажил ужас, но напарник все же выдал пару слов поддержки. Несложно догадаться, что он при этом думал. «Я пошел в науку не затем, чтобы разбираться с женскими истериками». Мой плач превратился в смех, громкий и хриплый, отчего ужас на лице Хана стал явственнее, а уши запылали, точно красный сигнал светофора. Я оборвала смех, выбежала из лаборатории в уборную и уставилась в зеркало. Покрасневшие опухшие глаза, нос как слива, кожа на ноздрях шелушится после салфеток.

— Возьми себя в руки, — велела я женщине в зеркале, но получилось так ненатурально, словно я воспроизводила сцену из фильма, словно у меня нет «я», за которое можно было бы ухватиться, — или, скорее, целый миллион «я», слишком много, чтобы собрать воедино. Одно

стояло в уборной и играло роль; другое — в лаборатории глядело на раненую мышь — животное, к которому я ничего не испытывала, но чья боль каким-то образом пришибла меня. Или, наоборот, расщепила. Еще одно все еще думало о моей матери.

Мышиная драка так потрясла меня, что я проверяла зверюшек куда чаще, чем следовало. Когда я вернулась в лабораторию, Хан уже был там, оперировал свою мышь. И как обычно, закрутил термостат до минимума. Я поежилась от холода, и напарник поднял голову.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — ответила я.

Мы уже месяцами трудились вместе, но дальше обычного приветствия не заходили — кроме того момента, когда Хан застал меня в слезах. Теперь напарник больше мне улыбался, но стоило попытаться завязать беседу, его уши снова вспыхивали красным.

Я проверила мышей, ход эксперимента. Никаких драк, никаких неожиданностей.

Я поехала обратно в квартиру. Мама все так же лежала в спальне под облаком из одеял. С губ ее срывался звук, похожий на мурчание. Я так долго жила одна, что теперь меня нервировал даже этот тихий шум, по громкости не превышавший легкий гул. Я уже и забыла, какво это: жить с мамой, заботиться о ней. Долгое время — на самом деле почти все мои сознательные годы — были только я и она, однако наше сожительство было неестественно. Она это знала, я это знала, и обе мы старались забыть правду — что изначально нас было четверо, а потом трое, двое. Когда мама уйдет, добровольно или нет, останусь я одна.